

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

ИГЛА В КВАДРАТЕ

РАССКАЗ

Санитарка, которую все звали в отделении Семеновной, грузная и неповоротливая женщина, которая, казалось, не могла стоять на ногах, не опираясь на швабру, закончила, наконец, уборку в процедурном кабинете. Алена включила кварц, затем закрыла дверь кабинета на замок и, проходя мимо поста дежурной медсестры, отдала ключ, предупредив, чтобы та не забыла через полчаса отключить кварцевый аппарат.

На выходе из отделения ее встретил больной Катужковский, он же Каток. Неделю назад его привезли, как говорила Семеновна, *никакого*. Но уже через два дня он *оклемался*, начал ходить, показывая всем свой прилипчивый характер. Молодой, языкастый, с татуированной печаткой на безымянном пальце правой руки, обаятельной улыбкой, сквозь которую, однако, едва просматривалась легкая ирония, он завязывал знакомство со всеми женщинами в отделении, каким-то чутьем безошибочно определяя тех, кто действительно нуждался в мужском внимании.

- Уже линяете? — спросил он игриво.
- Да, — холодно ответила Алена.
- Куда мне позвонить?
- В Новинки...*

ТРАХИМЕНОК Сергей Александрович родился в 1950 году в городе Карасук Новосибирской области. Служил в армии, работал на заводе. Окончил факультет правоведения Свердловского юридического института, Высшие курсы КГБ СССР. С 1990 года живет в Минске. Член Союзов писателей России и Белоруссии, секретарь Правления Союза писателей Белоруссии. Автор повестей и романов, не раз публиковался в журнале "Наш современник" и других изданиях.

* Новинки — психиатрическая больница.

Каток сделал колени, видимо предполагая, что этим оказывает ей знак наивысшего внимания и уважения.

— Ну, тогда до завтра...

— До завтра, — сказала она ему, понимая, что попытки установить с ней контакт были связаны вовсе не с интересом Катка к ней как женщине. Его, скорее, интересовало содержимое маленького отделения сейфа процедурного кабинета, в котором вместе с наркотиками в ампулах хранились и таблетки. Видно, они и были объектом его внимания.

Закрывая дверь отделения, Алена заметила, как Каток разболтанной походкой подкатился к посту дежурной медсестры. Маневр этот был преждевременным. Сестра, конечно, не станет болтать с ним днем: в ординаторской врачи, да и заводделением, которую вызвали к главному на совещание, вот-вот должна была явиться обратно.

Спускаясь по лестнице в вестибюль, Алена поймала себя на том, что её слегка уязвило то, что Каток выбрал себе новый объект внимания. Однако уже на улице она забыла и про Катка, и про коллег по работе. Впереди её ждали домашние хлопоты.

Алена забежала в гастроном возле универсама “Беларусь”. Обычно продукты она покупала на Комаровке*. Времени на это уходило больше, но продукты там были дешевле.

— Проигрываешь в расстоянии, выигрываешь в ценах, — говорил сын Виталька, студент политеха, который вчера уехал с друзьями в Брест. И, следовательно, ей нельзя было надолго задерживаться на работе.

Втиснувшись в трамвай, она проехала три остановки и пересела на автобус, идущий на юго-запад. На её счастье, это был экспресс. Значит, скоро она будет дома. Тут она хлопнула себя по карману и вспомнила, что забыла на столике в процедурном камфорное масло.

— Может быть, дома осталось чуть-чуть, — вслух произнесла она, понимая, что в аптеку забежать не сможет: лимит ее отсутствия дома уже истек.

С большой хозяйственной сумкой, оттягивавшей ей руку, она простояла в проходе две остановки, пока не освободилось место у окна. Алена плюхнулась на сиденье, краем глаза заметив бабульку, которая явно хотела бы присесть. Та выразительно смотрела на Алену. Затем, ни к кому не обращаясь, вдруг сказала:

— Понаехали тут...

И хотя фраза не была окончена, было понятно, о чем идет речь: не в первый раз Алену относили к *лицам кавказской национальности*.

Алена не обиделась. Она вспомнила, как у них в отделении лежала Галия Ахметова, которую две старушки из Логойска так же шпыняли с утра до ночи.

Галия искренне возмущалась и утверждала, что она местная. На что у старушек был свой аргумент:

— Якая ты бяларуска, — говорили они, — ты на сябе паляди...

Старушкам было невдомек, что Галия родилась в белорусском селе, что по профессии она языковед, специалист по белорусскому языку.

Вспомнив все, это Алена улыбнулась. Улыбка эта вывела бабульку из себя. Однако, не чувствуя поддержки других пассажиров, она двинулась вперед по салону, что-то ворча себе под нос.

Её принимали за *восточную женщину* не только белорусы. Однажды на центральном рынке одна чеченка стала толковать ей о родной крови, предлагая кушать подешевле маринованный чеснок. Алена еле отвязалась тогда от настойчивой *землячки*.

Впрочем, возможно, что её предки и были кавказских кровей, но уж очень давно, еще до пятого колена. Об этом Алене говорила бабка Макрына. А еще она говорила, что дед Алены был вылитый джигит, хотя и родился на Полесье.

Перед самым освобождением Белоруссии в последнюю войну его расстреляли немцы за то, что он спас четверых детей во время карательной операции.

* Комаровка — центральный рынок в Минске.

Было это в деревне под Пинском. Там был у Алены дом, который ее сестры называли *фамильным*. В котором она не была уже много лет...

Из трех сестер она, как тот горошек, по которому изучают наследственность, единственная пошла в деда. Но в деревне никто не обращал внимания на то, что одна из внучек Макрыны — форменная горянка. В столице — другое дело... Впрочем, и в столице это появилось лишь в последние годы...

А четверть века назад, когда она приехала поступать в медицинский институт, все было по-другому. *Будь ты хоть негром преклонных годов*, никто тебе вслед не пробурчит афоризм “пра малпу”, якая еще и гаворыт...”

В институт она тогда не поступила и с теми же баллами пошла учиться в медучилище, памятуя о том, что самый лучший генерал — тот, кто начал службу солдатом. После училища она вышла замуж за своего ровесника Аркадия, который тогда работал на городской АТС. Через год родила дочь, а спустя три года — сына. И все было нормально, как у людей, если бы не извечная бабья беда: муж стал пить, и они развелись.

После развода об институте она уже не думала. Закрутили домашние хлопоты, детей надо было обуть, одеть, накормить, проследить, чтобы старшенькая не съехала на тройки, а младшенький не попал в дурную компанию.

Аркадий совсем исчез из ее жизни. Правда, однажды *всезнающие* соседки сообщили, что он женился. Но вторая женитьба не изменила его. Пил он по-прежнему, и все больше развивалась в нем черта, которая когда-то была совсем незаметной. В подпитии он, хотя не был агрессивным по своей натуре, всегда влезал в споры и разборки собутыльников, а иногда и случайных прохожих или попутчиков. Впрягался, как он сам когда-то говорил. Видимо, при таких именно обстоятельствах и получил он по голове железной трубой, упал и ударился о бетонный бордюр тротуара.

Те же соседки рассказали Алене, что он находится в девятой больнице, парализованный и потерявший дар речи.

Новая жена не стала заботиться о нём, и Алена с младшеньким перевезли папу домой, где поселили его в одной из комнат своей двухкомнатной квартиры.

Дети под руководством Алены быстро выучили ритуал обслуживания отца: дать попить, покормить, по часам перевернуть. А уж массаж, камфорные протирания и все остальное она делала сама. Теперь она не могла надолго отлучаться из дома и перестала ездить в деревню, да и вообще выезжать из города. И, возможно, в качестве компенсации за пребывание в стенах этой добровольной тюрьмы, она вернулась к одному из своих детских увлечений.

Зарплаты на жизнь не хватало, и она подрабатывала, делая инъекции на дому. У нее была легкая рука, да и пациенты ей доверяли. Впрочем, известность *домашней сестрички* она приобрела не сразу. Постепенно те, кому она уже помогла, распространили слух, который Алена и не пыталась опровергнуть. Они говорили, что эта сестричка из рода полесских колдуний, что она может заговаривать зубы и делать уколы без боли. Для тех, кто этого еще не знал, она применяла некоторые приёмчики, выработанные годами практики. То шлепнет по противоположной ягодице, то скажет какую-нибудь колкость. Но никто на неё за это не обижался. Уж лучше пусть тебя *уколет* острый язык, зато не почувствуешь боли от укола иглой шприца.

Молодые медсестры пытались ей подражать, но чаще всего это им не удавалось, потому что пытались они копировать манеру её поведения и разговор с больными, не отдавая себе отчета, что главное — в другом. Впрочем, в чем был секрет её мастерства, Алена и сама не знала. Дал Бог талант, и на здоровье.

— Просто у меня большая практика, — говорила она тем, кто пытался выведать у нее секреты её искусства.

С этим соглашались. Инъекций за свою жизнь она сделала немало. Но не у всех количество переходит в качество. Взять хотя бы Нору Степановну — дежурную сестру. Ей через год на пенсию. А больные воют, когда она входит в палату со шприцем в руках. Ну, не создана ее рука для того, чтобы

* Малпа (белоруск.) — обезьянка.

колоть, хоть ты убей, несмотря на то, что она, как и Алена, всю свою жизнь только и делает, что колет.

Однако никто из ее сослуживцев и не догадывался, что практика у неё была иного рода. Детское увлечение, к которому она вернулась теперь, было вышиванием. Но это были не те женские вышивки, которые барышни шестидесятих годов прошлого столетия делали при помощи ниток мулине на пяльцах.

Растянув на огромной квадратной раме основу, она вышивала гобелены. И этой иглой она управлялась так же ловко, с таким же мастерством и с любовью, как с той, которой привыкла орудовать в больнице.

Готовя еду, убирая квартиру, массируя тело парализованного мужа, чтобы не было пролежней, и протирая его камфорным маслом, Алена представляла себя маленькой девочкой, которой мать на тарелку с манной кашей положила ложку варенья. И она спешит съесть всю кашу, чтобы потом, не торопясь, насладиться лакомством. От этой *работы-лакомства* у нее не ныла спина, не болели руки, и сама она за этой работой словно выпадала из времени и пространства.

Вышивала Алена без рисунка. Усаживаясь за станок, она иногда и не знала, что у нее получится. Но с первых же стежков выходило так, что она работала, будто по матрице.

Вся прежняя жизнь до переезда в Минск словно сложилась у неё в голове и выплескивалась теперь на тканевую основу. Это были картинки полесского жития: густых и мрачноватых лесов; лугов с разнотравьем, в котором преобладали желтые цвета; деревянной бани, хозяйственных построек, почерневших от сырости и времени; кривых ульев той пасеки, за которую насмерть билась с сыновьями бабка Макрына, когда те хотели продать ее вместе с усадьбой, чтобы забрать мать в Пинск.

При всем при том картины её нельзя было назвать реалистическими. Но каждый, кто смотрел на это сочетание цветов, видел именно то, что видела она, только по-своему, словно это сочетание служило неким толчком к собственному представлению зрителей о том, что было заложено в содержании и названиях её картин. “Луг” поражал буйством красок и, несмотря на то, что на картине не было ни одного цветка, зрители иногда перечисляли до десятка их названий. “Лето” удивляло осязаемым зноем, тишиной, в которой слышалось стрекотание кузнечиков. Фиолетовые краски “Зимнего вечера на Полесье” побуждали искать тепла у теплой печки.

И только одна картина не была похожа на все её творения.

Она называлась “Взрыв”. Это было причудливый разброс и переплетение красок, разлетевшихся по полотну, которые мгновение назад еще были в центре картины.

Непередаваемое ощущение мощи, которая будто сдерживалась некоей оболочкой, а затем взорвалась под влиянием еще большей силы. И именно в этот момент игла художника зафиксировала и передала эту мощь в красках.

К ней ходили знатоки. Выражали удивление, что она не член Союза мастеров народного творчества. Иногда приходили представители картинной галереи и предлагали ей приобрести некоторые работы. В последнее время стала звонить секретарша какого-то “бизнесмена Кондратьева”, предлагая купить все картины оптом. Но Алена вдруг заупрямилась. Ей почему-то показалось, что, продав картины, она ничего больше не создаст. И Бог, наделивший ее талантом, лишит её способности творить.

Алена поднялась на четвертый этаж, открыла дверь квартиры ключом и, не снимая обуви, прошла в комнату к Аркадию. Слава Богу, все было в порядке. Обычно в те дни, когда Виталька куда-либо отлучался, она просила дочь Варю присмотреть за отцом. Но вот уже два года она живет с мужем отдельно. Они зарабатывают деньги на свой угол, и поэтому снимают квартиру в Фаниполе*.

Алена зажгла маленькую лампочку ночника. Перевернула Аркадия на бок.

* Фаниполь — поселок под Минском.

— Все нормально? — спросила она его.

Он в ответ только хлопал глазами. Таким языком они пользовались с первого же дня после его возвращения из больницы.

— Виталька уехал в Брест, — сказала Алена.

Аркадий опять прикрыл веки в знак того, что он об этом знает.

— У-у-у, как ты зарос, — сказала Алена и провела рукой по редким волосам бывшего мужа, — в воскресенье будем тебя стричь. Лежи.

Она подоткнула под спину Аркадию две специально сшитые плотные подушки, больше похожие на валики, и пошла на кухню готовить кашу.

Однако в этот момент раздался телефонный звонок, и ей пришлось вернуться в коридор и снять трубку.

— Алена Михайловна? — голос был женский.

— Да, — ответила она, узнавая секретаршу “бизнесмена Кондратьева”.

— С вами будет говорить Игорь Павлович...

Семь лет назад она возвращалась домой с работы. Был вечер. Троллейбус, на котором она ехала, неудачно повернул с проспекта на боковую улицу, и у него сорвались *усики*, которые маленький Виталька называл *удочками*. Водитель остановил троллейбус, вышел из кабины и принялся манипулировать веревками, но что-то наверху заело, и он влез на крышу.

Пассажиры терпеливо ждали, пока эта процедура закончится, однако случилось непредвиденное. Раздался хлопок, салон на мгновение озарился голубоватым светом, и тело водителя, пролетев мимо окон салона, упало на асфальт. Пассажиры высыпали наружу и образовали круг, в центре которого лежал бездыханный водитель.

В Алене в этот момент словно что-то включилось, хотя она смутно помнит свои действия. Впоследствии “Вечорка” описала их весьма красочно. Оказывается, Алена сказала всем, что она врач, послала кого-то звонить в “скорую”, а сама начала делать водителю непрямой массаж сердца. Она в жизни никогда этого не делала, но однажды видела, как у них в больнице американские врачи *стажировали* своих коллег по терапии неотложной помощи при критических состояниях на манекене. Сестры называли его Ванькой и в отсутствие врачей пытались повторять действия реаниматоров.

“Скорая” прибыла примерно через четверть часа, но Алене удалось *запустить* сердце водителя в течение первых четырех минут, и она могла гордиться тем, что именно она не только спасла ему жизнь, но и сделала все возможное, чтобы он остался полноценным человеком.

Она уже успела и забыть о случившемся. Но спустя месяц у дверей больницы ее встретил тот, кого сослуживцы после публикации материала в “Вечорке” называли её крестником. Он был в парадном костюме и с букетом цветов.

Потом они сидели в кафе “Сосны”, пили шампанское, и оба испытывали неловкость, предчувствуя, наверное, что встреча эта может многое изменить в их жизни.

Они стали встречаться — так обозначили бы то, что с ними произошло, её соседки. Разрываясь между заботами о больном Аркадии и детях, путаясь в своих рассказах, скрывающих их конспиративные встречи, она, тем не менее, не бросала своего любимого занятия, хотя и могла уделить ему внимание только ночью. И трудно было понять, что придает ей силы, — новая любовь или старое увлечение.

Именно тогда появился “Взрыв”. Картина, не похожая ни на одну ее прежнюю работу. Впрочем, как и на все последующие.

Их роман или, как говорили в таких случаях сослуживцы, *отношения*, продолжался два месяца.

В один из дней сентября, когда листья каштанов уже порыжели, и наступило бабье лето, у дверей больницы ее встретила женщина.

— Здравствуйте, — сказала она, — именно такой я вас себе и представляла. Я жена Николая.

Потом они сидели все в том же в кафе “Сосны” и совершенно спокойно говорили — каждая о своем. Вероника — так звали жену Николая — не

угрожала ей, не пыталась брать с нее клятву, что она не будет разрушать семью. Все было вполне пристойно. Разговор шел о трудностях жизни вообще. О проблемах воспитания двух девочек, фотографии которых тут же были извлечены из сумочки.

В конце этой встречи Вероника еще раз поблагодарила Алену — за то, что она один раз уже спасла ее мужа для ее девочек. И пригласила ее при случае навестить их семью.

В тот же день Алена позвонила другу Аркадия, который по-прежнему работал на городской АТС, и попросила его помочь ей быстро заменить номер домашнего телефона.

Алена приготовила кашу, накормила Аркадия, помассировала ему спину, перевернула его на другой бок и снова ушла на кухню, чтобы поужинать.

Пока она ела, мыла посуду, в голове все вертелись слова “бизнесмена Кондратьева”, который *знает о квартирных проблемах Вари*. И откуда он о них узнал, прямо какая-то бизнес-разведка, ей-Богу... Еще он сказал ей, что продажа картин по *реальной* цене может эту проблему решить.

— Ваш ответ? — спросил он.

— Я подумаю, — сказала тогда Алена.

Однако когда она вошла в свою комнату и посмотрела на её стены, увешанные картинами, решимость вдруг оставила ее. Ей представилось, как, продав картины, она останется с пустыми стенами и никогда больше не сможет испытать этого сладостного чувства, этого волшебства, когда буквально *из ничего* получается такая красота.

Алена провела кошмарную ночь и впервые за многие годы опоздала на работу.

Раздевшись в гардеробе больницы, она поднялась в отделение. В коридоре никого не было. Видимо, заведующая собрала всех врачей у себя, а средний медперсонал был уже в сестринской. Открыв шкафчик в процедурном, она увидела, что сестра-хозяйка так и не заменила ей старый халат на новый. Но сейчас не это было главным. Шестым чувством она понимала, что произошло что-то из ряда вон выходящее. *Запах грозы* словно исходил от стен отделения. В дверях показалась сестра-хозяйка:

— Я принесу халат, когда все успокоится, — сказала она, подтвердив худшие опасения Алены.

— А что случилось?

— Вторая палата забастовала.

— Как это?

— Отказались колоться у Норы...

— Час от часу не легче...

Алена вошла в сестринскую, когда старшая уже заканчивала то, что в отделении называли *разбором залетов*. К опозданию Алены, однако, старшая отнеслась спокойно, как любящая мать к проступку любимой дочери.

— А вот и Алена, — сказала она, — все свободны, кроме нее...

Сестры торопливо стали покидать кабинет старшей, из чего Алена заключила, что ей предстоит миссия, от которой другие только что отказались.

— Алена, — сказала старшая, когда все вышли, — нужно сделать утренние инъекции больным во второй палате... После Норы девчонки туда боятся идти...

— Ну, надо так надо, — ответила Алена словами популярной телерекламы, в которой лихой директор предлагает своим подчиненным работать без выходных...

— Вот и прекрасно, — ответила старшая, — за работу...

Алена взяла на посту дежурной сестры листы назначений пациентов из второй палаты, просмотрела их, положила, как в *старые добрые времена*, на крышку от стерилизатора одноразовые шприцы и направилась во вторую, не без основания предполагая, что провокатором забастовки там был, скорее всего, Каток...

— Ну-с, — сказала она бодро, входя в палату, — начнем лечиться.

— Куда будем делать? — не преминул съязвить Катковский.
Нужно было брать инициативу в свои руки, чтобы её не захватил Каток.
— Языкастым в язык, остальным в ягодицу, — безапелляционно сказала Алена.

Закончив процедуры, Алена направилась к дверям палаты. Но Катковский не был бы самим собой, если бы последнее слово осталось не за ним. Он развел руками и произнес иронически:

— Игла в квадрате.

В палате на это не отреагировали никак. Он был балабон, а балабон должен болтать и к месту, и не к месту — такая у него планида. И только Алена поняла, насколько точно определил ее сущность Каток.

У процедурного кабинета уже собирались больные. Алена попросила их немного подождать, зашла в сестринскую, набрала номер телефона Кондратьева и сказала, что продаст ему гобелены.

— Все? — спросил он.

— Все, — ответила она. И, немного помедлив, добавила, — кроме “Взрыва”...

ЦВЕЛА ЧЕРЁМУХА

РАССКАЗ

— Ты один? — спросила тётка вместо приветствия, когда Нефёдов вышел из вагона.

— А с кем я должен быть? — удивился он.

— С телохранителем...

— Это газетные утки, — скривился Нефёдов, — у меня нет телохранителей.

Тётка по случаю его приезда была в выходном жакете, в темной юбке. Ее черные с проседью волосы были гладко зачесаны назад и схвачены на затылке резинкой. Она чопорно взяла его под руку и повела вдоль состава.

Людей на перроне немного, и это, как догадывается Нефёдов, совершенно не устраивало тётку: ей хотелось, чтобы как можно больше *поселковых* увидели, что к ней приехал её знаменитый племянник.

Когда они по тропинке вдоль реки дошли до моста, было уже темно, но Нефёдов разглядел рядом с этим бетонным красавцем почерневшие сваи старого, деревянного. Его снесли двадцать лет назад. Точнее, не снесли, а бросили, отстроив новый, бетонный. Поскольку старый мост считался списанным, его стали разбирать на свои нужды местные жители. Разбирали до тех пор, пока на сваях осталось всего несколько брёвен. Именно в это время с них сорвался в воду и утонул мужик с той улицы, что шла вдоль берега: чуть дальше моста по течению был омут с водоворотом. На том работы и остановились.

— Сваи так и не спилили? — спросил он у тётки.

— Да кому они нужны?

— Чтобы мальчишки не лазали...

— Мальчишки по ним не *лазют*, — ответила тетка, — мальчишки сейчас *бизнесой* занимаются.

Дома у тётки их ждал стол с салатами, картошкой, котлетами и бутылкой водки.

— Может, Евлампиевну позовём? — спросила тётка.

— Как хочешь, — без энтузиазма ответил Нефёдов: он не хотел видеть здесь соседку.

Уловив что-то в его интонации, тётка сказала:

— А-а, ладно, обойдёмся... пусть это будет ужин в узком семейном кругу.

После второй рюмки тётка захмелела и стала вспоминать его *последний* приезд. Она говорила об этом так, будто он приезжал к ней в прошлом году.

Нефёдов терпеливо слушал её, а потом, выбрав удобный момент, вставил свое слово:

— Пойду покурю...

— Кури здесь... Евлампиевна специально соседа приглашает покурить, чтобы в хате мужиком пахло...

— У меня “Кэмэл”, — усмехнулся Нефёдов.

— И чо?

— После него пахнет верблюдом...

— Да ну? — удивилась тётка.

Нефёдов курил, облокотившись на забор, и вглядывался в темноту. Где-то лаяли собаки, звенела гитара, и хрипловатый голос пел:

*Когда с тобой мы встретились, черёмуха цвела,
И в парке тихо музыка играла...*

Двадцать лет назад, когда он в первый раз пошел её провожать, тоже цвела черёмуха, было холодно, и он накинул ей на плечи свою куртку. Да, это было в мае, а до этого он был тайно и безнадежно влюблен в нее почти полгода — с того самого времени, когда его, шестнадцатилетнего парня, родители отправили в тётке, чтобы “вырвать из дурной компании”. У тётки Нефёдов должен был закончить десятилетку вдали от соблазнов большого города.

Стоит ли говорить, что, приехав в поселок, он тут же нашёл себе компанию ничуть не лучше той, что оставил в городе. Предводителем ее был нефёдовский ровесник — парень с нагловатой чёлкой и синими глазами, какие редко встречаются в природе, особенно у мальчишек. За эти глаза его любили все поселковые девицы в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Звали его Витьком. Среди почитательниц Витька была и она — девятиклашка, еще не избавившаяся до конца от девчоночьей угловатости фигуры, с огромными глазами и пухлыми губами.

Странное оцепенение нападало на Нефёдова, когда он встречал её в школьном коридоре, а она, словно чувствуя это, усугубляла его растерянность быстрым взглядом своих огромных тёмных глаз.

*У тебя глаза как нож — если прямо ты взглянешь,
Я забываю, кто я есть и где мой дом...
Если косо ты взглянешь, то как по сердцу полоснешь
Ты холодным острым ржавым тесаком...*

Пел, подыгрывая себе на гитаре, его друг Витёк, и Нефёдову казалось, что Витёк видит его насквозь и подтрунивает над ним. Нефёдов одновременно и боялся её глаз и хотел снова увидеть их. А когда долго не видел, впадал в тоску и начинал искать встреч с ней.

Нефёдов вернулся в дом, сел за стол.

— Ты чо такой хмурый? — спросила тётка, — Неприятности на работе? На тебя наезжают?

— Где ты нахваталась таких слов: “бизнесой”, “наезжают”?

— Все так говорят, — простодушно ответила тётка.

— Это точно, — согласился он, — все только так и говорят, будто уже и слов других нету...

Три года назад Нефёдова перетянул в свою фирму бывший его выпускник. Год они работали рука об руку, не жалея ни сил, ни времени, как вдруг глава фирмы исчез. Все подозревали похищение, но он благополучно объ-

вился в Испании, там же оказались и деньги фирмы. Нефёдов хотел было вернуться в институт, но его попросили остаться и возглавить то, что осталось от фирмы. Он начал всё сначала, и ему повезло. Теперь уже к нему стали обращаться за помощью, а в прошлом году его даже выдвигали кандидатом в депутаты в Государственную Думу.

— У твоей пассии неприятности, — сказала тётка.

— Слышал.

— Не связывайся ты с ней, ты — человек семейный...

— Мне уже поздно с кем-либо связываться, — уклончиво ответил он.

— Правильно, — согласилась тётка.

Поговорили они ещё *ни о чем* и стали укладываться спать. Перед тем как лечь в постель, Нефёдов снова вышел во двор покурить.

Звонящая тишина майской ночи будила воспоминания. Он ясно, словно это было вчера, воспроизвёл в памяти все встречи с ней, первый поцелуй и клятву верности, которую первой дала она. В тот вечер он летел в дом тётки, словно на крыльях, и даже, пренебрегая опасностью, перешёл реку по бревнам старого моста. Сила любви несла его над землёй и не позволила свалиться в реку и закончить жизнь так же бесславно, как его земляк.

Проснувшись на следующий день, он обнаружил на столе записку от тётки с указанием, что ему есть на завтрак и обед. Тётка, хоть и была на пенсии, продолжала работать на маслозаводе, ходила на другой конец посёлка, что было по местным меркам *очень далеко*, и не обедала дома.

Нефёдов позавтракал, тщательно побрился, приготовил свежую рубашку и галстук, но надевать не стал, а снова завалился на диван в надежде предаться приятным воспоминаниям. Однако сегодняшние воспоминания были не чета вчерашним. Нефёдов почему-то вспомнил последнюю встречу с ней, её слова о том, что она любит другого, а их встреча была ошибкой... Он не поверил своим ушам, стал преследовать её, пытался выяснять отношения, стал искать соперника... Впрочем, соперник вскоре объявился сам. Витёк как-то со смехом рассказал, что ему призналась в любви одна девятиклашка.

Затем были экзамены на аттестат зрелости. Он уехал из посёлка сразу после школы, поступил в институт, окончил его, но больше никогда не приезжал в гости к тётке. Однако еще очень долго, а может быть, и до сих пор занозой сидела в его сердце та неразделённая любовь. Потом у него было много женщин, и со временем он понял то, что его друг Витёк знал уже и тогда: чтобы добиться ответной любви, не обязательно преследовать женщину, скорее, наоборот...

Год назад, когда он баллотировался в депутаты Госдумы, ему стали звонить земляки. Но после выборов звонки прекратились. И вот два месяца назад секретарша спросила, соединять ли его с периферией, и он каким-то чутьём понял, что это звонок из посёлка. На него словно повеяло холодком — тем холодком, который бывает, когда цветёт черёмуха.

— Здравствуйте, — сказала она тогда, будто они все эти годы поддерживали дружеские отношения, — у меня беда: сын попал в некрасивую историю.

Нефёдову стоило большого труда вытащить из тюрьмы её семнадцатилетнего сына. После этого она позвонила ещё раз — поблагодарить, кроме того, она приглашала его *заглянуть в гости*, когда он будет в посёлке.

— Как раз туда собирался, — вырвалось у него чуть ли не против собственной воли.

— Тогда я жду, — был ответ.

Заноза в душе Нефёдова сладко ныла и тогда, когда он ехал на поезде, и когда шел с тёткой по посёлку знакомой тропинкой и бередил себя воспоминаниями. После встречи с ней, казалось ему, он станет счастливым человеком, у которого в жизни все и всегда получается.

Звонок телефона прервал его размышления. Нефёдов сорвался с дивана, подбежал к аппарату. Звонил корреспондент местной газеты Салихов, который когда-то писал о Нефёдове. Он предлагал встретиться, чтобы дать интервью. Нефёдов отказался и поплелся обратно к дивану. Было прохладно, он натянул на себя плед и задремал, потому на следующий звонок отреаги-

рвал не сразу. А проснувшись, долго соображал, где он и кто звонит, и только потом поднял трубку.

Знакомый голос, в котором угадывался каприз и волнение одновременно, сообщил, что его давно ждут, что домашние разбежались на работу, но всё равно — с визитом тянуть не надо.

У её дома, несколько не изменившегося за двадцать лет, он оказался через несколько минут. Уверенно толкнул калитку, вошёл во двор, а потом и в дом, сказал на всякий случай: “Здравствуйте” — а вдруг ошибся. Но он не ошибся — в этом доме ждали гостей: посередине комнаты был накрыт стол, как две капли похожий на тёткин.

Из смежной комнаты появилась она и сказала просто:

— Вот так мы и живем, прошу к столу... Я здорово изменилась?

— Ну, что ты, — сказал он каким-то деревянным голосом, — нисколько.

Она сама налила водку в рюмки, но вдруг вопросительно посмотрела сначала на Нефёдова, а потом на гранёный стакан.

— Нет, — сказал Нефёдов.

А она одобрительно кивнула: хорошо, когда мужчина не падок на спиртное.

Вышли и стали говорить, точнее, говорила она, а Нефёдов слушал её с той же робостью, что и двадцать лет назад, только на этот раз причины были другие. Он покривил душой, сказав ей, что она не изменилась. Перед ним была совершенно другая, незнакомая ему женщина, которая с какой-то неоправданной категоричностью в суждениях рассказывала о жизни в посёлке, о ценах на продукты, о сыне, который теперь *по гроб жизни обязан* Нефёдову...

Он слушал ее, с ужасом понимая, что *нельзя дважды войти в одну и ту же воду*. Очарование первой, к тому же неразделённой любви, которое двадцать лет сладкой занозой сидело в его сердце, рассеивалось, как дым, как туман под лучами солнца.

И вроде всё в ней было прежним: и голос, и большие глаза, и знакомая припухлость губ, но это словно бы была не она. Потому что и голос, и глаза, и губы не вызывали у него прежних чувств. Мало того, чем больше он всматривался в знакомые черты, тем больше его раздражали и когда-то милые ему капризные нотки в её голосе, и кокетливая игра глаз, а уж пухлые губки были и вовсе неуместны на лице этой зрелой женщины, как неуместны панамка или бантик на голове бабушки, гуляющей с внучкой в парке.

Она почувствовала это. Поставила перед ним гранёный стакан, вылила туда остатки водки. Он выпил, бросил в рот пластинку малосолевого огурца и стал ждать, когда алкоголь снимет неприятные ощущения от сидящей напротив женщины. Но алкоголь сегодня не действовал на него.

— Ты знаешь, — сказал он, — а Витёк умер.

— Все там будем, — ответила она с таким равнодушием, что Нефёдову стало обидно за своего друга-соперника. Он ещё что-то пытался сказать, но поперхнулся, а она поднялась из-за стола и направилась в соседнюю комнату, по пути лениво вынимая из причёски шпильки...

Возвращаясь домой, Нефёдов вышел не к бетонному мосту, а к остаткам старого, деревянного. Некоторое время он стоял, глядя на спиленные и почти сгнившие сваи, а затем сделал первый шаг... Он дошёл до середины старого моста и только тогда понял, что на этот раз ему реки здесь не перейти, и не потому, что бревна почти сгнили: он потерял ту *окрыленность*, которая перенесла его двадцать лет назад на противоположную сторону. Вместе с осознанием этого пришел страх. Он ударил по его сознанию, как молния, и так же, как молния, быстро исчез, а на его место пришло равнодушие. И он не стал сопротивляться, пытаясь устоять на бревне, и сделал шаг в сторону...

Когда холодная майская вода сомкнулась над ним, ему в голову пришла глупая мысль, что корреспондент местной газеты Салихов сможет опубликовать сенсационный материал о том, как предприниматель Нефёдов утонул в речке у старого моста при загадочных обстоятельствах...

И опять звонил телефон, и Нефёдов долго не мог понять, как это на дне реки мог оказаться работающий аппарат, но потом сообразил и, наконец, снял трубку.

— Привет гостям, — услышал он, искаженный мембраной, но всё же знакомый голос...

— Привет, — отозвался он хриплым после сна голосом и, не давая ей говорить, продолжил, — хорошо, что ты позвонила... Со мной сейчас коллеги связались, нужно срочно уезжать... ты вечером позвони тётке, чтобы она не беспокоилась, а то я к ней на завод дозвониться не могу.

— Ну, вот, — сказала она капризно, — а я думала, что мы с тобой встретимся, посидим, поговорим...

— Конечно, встретимся, не последний день живем...

Нефёдов стоял в коридоре вагона и смотрел на яркую зелень лесопосадок, пронесившихся за окном. Такая зелень бывает только в конце мая, пока солнце и пыль не возложили ещё на неё свои покрывала.

Нефёдов всё не мог до конца осмыслить свой поступок. Но интуиция подсказывала ему, что он принял правильное решение: в последние годы он научился не возвращаться в прошлое, не пытаться прирастить то, что отрезал. Впрочем, из этого правила бывали и исключения...

Он открыл окно, холодный воздух хлынул в вагон.

— Молодой человек, — тут же раздался женский голос из соседнего купе, — закройте, пожалуйста, окно... Холодно...

— Ну, как же, — не то поддержал её, не то поддел мужской бас, — не лето на дворе...

— И всё же холодно, — повторила женщина.

— Ещё бы, — отозвался Нефёдов, — холода вернулись... черёмуха цветёт...